

Чарские Пески — ландшафтный реликт эпохи мамонтов в центральной Сибири

В Новосибирск вернулась экспедиция Института вычислительной математики и математической геофизики СО РАН, проводившая полевые работы на Чарских Песках, уникальном ландшафтном заповеднике, расположенном в центральной части Чарской котловины в северном Забайкалье. Наш корреспондент встретился с руководителем поездки, заведующим лабораторией ИВМиМГ СО РАН доктором физ.-мат. наук **В.К. Гусяковым**, чтобы задать ему несколько вопросов.

— Вячеслав Константинович, насколько мы знаем, Ваши главные научные интересы связаны с изучением волн цунами. Что привело вас в северное Забайкалье, неужели там тоже можно найти следы древних цунами?

— Нет, прямых следов цунами мы там, конечно, найти не надеялись, но привел нас туда именно интерес к катастрофическим древним цунами. Идея этой поездки возникла сразу после моего возвращения из международной экспедиции на южное побережье Мадагаскара, где мы изучали так называемые шевронные дюны — грандиозные песчаные образования высотой до 30—40 метров, протягивающиеся на десятки километров от берега. Вопрос о механизме их образования до сих пор является остеродискуссионным — одни ученые считают их продуктом ветрового переноса, другие, в том числе и участники нашей группы, — следами воздействия доисторических цунами. Поскольку шевронные дюны достаточно широко распространены на побережье Мирового океана, в случае подтверждения этой гипотезы радикально меняются оценки повторяемости катастрофических цунами, случившихся в недавнем геологическом прошлом Земли.

В северном Забайкалье существует уникальное ландшафтное образование — Чарский песчаный массив, состоящий из дюн и барханных цепей, покрывающих участок Чарской котловины между реками Верхний и Средний Саукан. В силу удаленности района от любого побережья цунамигенный механизм образования Чарских дюн можно полностью исключить. Следовательно, их генезис мог быть только ветровым. Нам хотелось познакомиться с морфологическими особенностями этих дюн и, самое главное, изучить состав слагающего их песчаного массива. Здесь мы надеялись найти существенные отличия от состава магадаскарских дюн и действительно их увидели. Они заключаются, в первую очередь, в гранулометрических харак-

теристиках песка. Основное тело шевронных дюн сложено крупнозернистым песком, состоящим из угловатых несортированных частиц различных размеров, идентичных по своему составу песку прибрежных пляжей, с включением гальки и обломочного материала. Песок Чарского массива состоит из хорошо окатанных отсортированных частиц приблизительно одного размера, что указывает на длительную ветровую сортировку, типичную для эоловых отложений. Причем такой состав песка характерен как для подвижных вершин барханов, так и для разделяющих их впадин, где поверхность массива уже закреплена растительностью, что указывает на однородность механизма образования всего массива.

— Как же образовался такой кусок пустыни посреди забайкальской тайги?

— Согласно наиболее распространенному представлению, Чарский массив образовался в результате ветровой переработки донных песчаных отложений древнего озера, существовавшего в Чарской котловине во времена последних четвертичных оледенений. Спускавшиеся с соседнего Кодарского хребта ледники периодически перегородивали долину реки и приводили к накоплению песчаного материала, в избытке поставляемого водными потоками и ледниками, спускавшимися с соседних горных хребтов. Эту исходную толщу слоистых озерных отложений, мощностью в несколько десятков метров, можно видеть на обрывистых берегах реки Чара и её притоков. Гляциальное озеро исчезло, видимо, в конце последнего цикла оледенения, 12—15 тыс. лет тому назад — по его обнажившемуся дну бродили стада мамонтов и шерстистых носорогов, бивни и черепа которых иногда находят в речных наносах. Древнее Чарское озеро занимало, правда, значительно большую площадь, чем сегодняшний песчаный массив. Почему ветер оказался способен нарушить покой древних осадочных толщ именно на этом участ-

ке долины, между рекам и Верхний и Средний Саукан, еще предстоит разобраться.

— Район Чарской котловины известен не только этим уникальным ландшафтным образованием, но и своими минеральными богатствами, что послужило одной из причин прокладки здесь Байкало-Амурской магистрали.

— Действительно, в 20 километрах от Чары находится знаменитое Удоканское месторождение медных руд. По запасам оно третье в мире. Открыто в 1949 году, в 1984 году туда пришли рельсы БАМа, но до сих пор ни одного килограмма меди из земли не добыто. Именно грандиозность запасов месторождения и создает проблему. Для его освоения требуется масштабный, хорошо скоординированный и просчитанный проект, чего ни при прежней, ни при нынешней власти не удаётся сделать. Чарская долина известна и другим эпизодом своей недавней истории. Прямо против Песков в хребте Кодара находится знаменитое Мраморное ущелье, где в 1949 году были добыты первые тонны советской урановой руды. Для её добычи по приказу Л. Берия в кратчайшие сроки был образован Борский исправительно-трудовой лагерь ГУЛ МВД СССР, в котором работало около 2500 человек. Остатки одного из лагпунктов мы видели в одном из полевых маршрутов. Запасы урановой руды, идентифицированной по данным воздушной радиометрической съемки, однако, оказались ничтожными и уже в 1951 году рудник и лагерь были ликвидированы.

В заключение хочется подчеркнуть, что, несмотря на уникальность природных условий и относительно близость урочища к цивилизации (до станции Новая Чара на Байкало-Амурской магистрали всего 10 км по прямой), оно до сих пор остается малоизвестным местом. Причина в том, что будучи отделенным от дороги двумя речками и обширными болотистыми марями Чарской долины,

оно остается недоступным для любого колесного транспорта. Любителям ходить по болотам с тяжелыми рюкзаками, как пришлось делать нам, сейчас не так много. С другой стороны, труднодоступность места способствует сохранению этого ландшафтного релик-

та древних эпох в его первозданном состоянии.

Н. Петров, специально для «НВС»
На снимках: — барханные цепи Чарских Песков; — подходы к Пескам до сих пор остаются трудным маршрутом. Фото В. Гусякова

Путь Урала и Сибири к индустриальному обществу

В начале июля в Институте истории СО РАН прошла конференция «Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследование, результаты», в которой приняли участие учёные из академических институтов и вузов Новосибирска, Екатеринбург, Тюмени, Братска, Иркутска, Красноярска. На заседаниях секций рассматривались проблемы индустриализации и урбанизации регионов, исторической демографии, взаимодействия города и деревни, источников трудовых ресурсов и подготовки кадров, социально-экономического развития Урала и Сибири. Но объединяющей темой для всех участников конференции являлись проблемы человеческого фактора в развитии Урало-Сибирского региона.

По просьбе корреспондента «НВС» итоги конференции подвёл член оргкомитета, профессор **Виктор Иванович Исаев**, главный научный сотрудник Института истории СО РАН, доктор исторических наук.

— Становление индустриально-урбанистического общества — одно из центральных направлений современных исторических исследований в большинстве стран мира. Для нас актуальность проблемы во многом обусловлена тем, что в нашей стране историческая наука долгое время пыталась её игнорировать. В советский период общество рассматривалось исключительно в рамках формационного подхода, с точки зрения строительства и развития социализма. В рамках такого подхода мало внимания уделялось изменениям, связанным с факторами культуры, менталитета и всего того, что характеризует повседневную жизнь человека и что изучалось западными учеными в русле цивилизационной парадигмы.

Сама проблематика становления индустриально-урбанистического общества разрабатывается в мировой науке давно. На этапе включения в исследование этого вопроса, разработки конкретных научных проектов возникает ряд специфических для российской исторической науки проблем, которые и обсуждались на конференции «Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе». Урал и Сибирь являлись территориями нового освоения, особенно Сибирь, которая в XX веке прошла ускоренную урбанизацию в связи с быстрым развитием промышленности. Результаты такой форсированной урбанизации мы и пытаемся рассмотреть в своих исследованиях.

В докладах и последующей дискуссии было поднято несколько спорных вопросов. Один из них — проблема оценки развития страны в XX веке. До сих пор приходится сталкиваться с негативным подходом к нашей истории, который рассматривает советский период как время, потерянное для общественного развития по сравнению с другими странами. Для меня и моих коллег такой подход неприемлем, потому что историю нельзя анализировать с помощью оценочного подхода — в первую очередь надо оперировать фактами.

Другая сторона вопроса, политическая, — формирование в нашей стране тоталитарного государства не могло не отразиться на процессе индустриализации и урбанизации. Вполне оправданно вспоминают жертвы и репрессии, характерные для сталинского периода, когда были загублены миллионы жизней. Многие западные и российские историки в связи с этим называют развитие России в XX веке «консервативной модернизацией».

Тем не менее, можно сказать, что за XX век был накоплен существенный потенциал в индустриальном и культурном плане. Пусть с издержками, но мы постепенно приходим к ценностям, которые характерны для большинства развитых стран. Нельзя считать прошлый век потерянным — это был своеобразный, пусть и тяжёлый путь России в современную индустриальную цивилизацию.

Ещё одна объединившая всех участников конференции проблема — это интеграция в самом широком плане: интеграция экономических потенциалов регионов и интеграция научного изучения этого процесса. Были рассмотрены проблемы интеграции индустриальных комплексов Урала и Сибири, становления кадрового потенциала, развития человека на этих огромных территориях. К сожалению, мы должны признать, что социальное развитие населения Сибири и Урала отставало от индустриального освоения этих регионов. Достаточно вспомнить остроту жилищной проблемы и изначально низкий уровень жизни, медленное развитие структур гражданского общества. В исследованиях историков подчеркивается, что в нашей стране государство играло ведущую роль в развитии индустриально-урбанистического общества. Соответственно, интересы государства, правящей элиты преобладали, а интересы простого населения не всегда и не в полной мере учитывались. Перекоп в пользу приоритета интересов правившей партии в ущерб насущным нуждам народа — один из главных негативных факторов в развитии Урала. Успехи в индустриальном освоении Урала, Сибири и Севера бесспорны, но социальная политика в этих регионах проводилась по остаточному принципу.

Стремление к развитию государства за

счёт человека может быть в полной мере успешным и эффективным в долгосрочном плане. Поэтому большинство современных историков не принимают такое понимание определяющей роли государства. Подлинная модернизация должна вести к повышению уровня и качества жизни населения. Поэтому проблемы «консервативной модернизации» требуют дальнейшего изучения.

Ещё одна активно обсуждавшаяся проблема — трансформация традиционного крестьянского образа жизни в индустриально-урбанистический, которая активно происходила в урало-сибирском регионе. Например, из-за скудости государственного финансирования жилищного строительства в застройке городов доминировало нередко стихийное частное строительство. Поэтому «сибирская урбанизация» в определенном смысле приводила к сохранению деревенских элементов в городском образе жизни. Не были обойдены вниманием и проблемы современного развития урало-сибирского региона. Так, по данным одного из докладов, в 1990-е гг. наблюдалась тенденция снижения численности городского населения в Новосибирской области. Является ли такая тенденция отступлением от традиционного обществу по линейной траектории или же это, как принято говорить, и есть то самое пост-модернистское общество — на этот вопрос исследователям еще предстоит дать ответ.

По материалам конференции издан объёмный сборник статей, который, несомненно, получит отклик у научной общественности. Итоги конференции будут также освещены в журналах «Гуманитарные науки в Сибири» и в «Уральском историческом вестнике».

Ю. Плотников, «НВС», А. Аникина, ФЖНГУ